

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА  
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

# **ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ**

**ТОМ II**

## **НЬЮСЛОР: ФОЛЬКЛОРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АКТУАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ**

Составители  
Александра Архипова,  
Дарья Радченко

Издательский дом «Дело»  
Москва 2017

**УДК 394.014**  
**ББК 82.3(0)**

**Г 70**

Составители

*Александра Архипова, Дарья Радченко*

Научные редакторы

*Надежда Рычкова, Никита Петров, Наталья Петрова*

Дизайн обложки *Елена Югай*

Макет и верстка *Вадим Лурье*

Рецензенты

*М.Д. Алексеевский, кандидат филологических наук, руководитель  
Центра городской антропологии, КБ «Стрелка»*

*С.Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, руководитель  
Лаборатории теоретической фольклористики  
ШАГИ ИОН РАНХиГС*

*Издание выполнено при поддержке Российского научного фонда  
в рамках проекта № 16-18-00068 «Мифология и ритуальное поведение  
в современном российском городе»*

**Г 70 Городские** тексты и практики: коллект. монография. Т. 2:  
Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий  
/ Сост. А.С. Архипова, Д.А. Радченко. М.: Издательский дом  
«Дело» РАНХиГС, 2017. 208 с.

ISBN 978-5-7749-1237-7

Второй том коллективной монографии «Городские тексты и практики» посвящен «новостному фольклору» — формам фольклорной реакции на события, получившие освещение в средствах массовой информации. На материале разнообразных событий — от военных конфликтов 1930-х гг. до введения новой формы работников «Почты России» — авторы показывают, как фольклорные механизмы и модели, в том числе традиционные и даже архаические, участвуют в формировании «ньюслора». Для специалистов в области фольклористики, антропологии, социологии, студентов и широкого круга читателей.

**УДК 394.014**  
**ББК 82.3(0)**

ISBN 978-5-7749-1237-7

© Александра Архипова, Дарья Радченко, 2017

© Елена Югай, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук», 2017

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## Введение

*Сохранять* или *реагировать*: о newslore и фольклоризации действительности (*Александра Архипова, Дарья Радченко*) ..... 4

## Глава I. Между новыми медиа и старым фольклором

Страшная месть снежного человека: каргопольский случай (*Никита Петров*) ..... 16

Конструирование нарративов о фольклорных и медиалорных персонажах: тюменский случай (*Марина Байдуж*) ..... 45

«Стаканчики граненые упали со стола»: «героизация» советских вещей в СМИ и medialore (*Мария Волкова*) ..... 60

## Глава II. Фольклор и конструирование идеологии

Фольклор на военной службе: случай гражданской войны в России (*Рустам Фахретдинов*) ..... 80

Локальные военные конфликты конца 1930-х годов в СМИ и творчестве сказителей (*Ирина Козлова*) ..... 97

## Глава III. Ньюслор и актуальные события

«А Вас, Печкин, я попрошу остаться!»: почта России в зеркале ньюслора (*Андрей Мороз*) ..... 119

«Нездоровый интерес вызывает H<sub>2</sub>S»: восприятие техногенного катаклизма в интернет-пространстве (*Наталья Савина*) ..... 130

## Глава IV. Ньюслор в политическом дискурсе

«Вежливые люди»: война мемов и обретение дискурса (*Данила Рыговский*) ..... 150

«Израиль» как мифологический конструкт в российско-украинском дискурсе 2014 года: анализ социальных сетей (*Дина Писаревская*) ..... 175

История одного «оленевода»: лингвистический анализ политического прозвища (*Юлия Галямина*) ..... 191

**Сведения об авторах** ..... 202

**Abstracts** ..... 204

# ФОЛЬКЛОР НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ: СЛУЧАЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

*Рустам Фахретдинов*

## **Фольклор как инструмент пропаганды**

Ньюслор реагирует на окружающие события — вернее, на информацию об окружающих событиях, полученную из разных источников: увиденную и услышанную самостоятельно, полученную от других лиц, из масс-медиа и т. д. Исходная информация может быть правдой или ложью, идеологически нейтральной либо ангажированной, вброшенной в чьих-либо интересах: критерий истинности для фольклоризации не обязателен, важна актуальность темы. Если «Первый канал» сообщает, что «враги России» распяли младенца в Славянске, то фольклоротреагирует, даже если младенца не было, потому что война на Украине — горячая тема, да и младенцев в мире распинают не каждый день.

Фольклорное произведение, созданное как реакция на событие, само, в свою очередь, становится источником информации для носителей фольклорной традиции, причем произведение это спонтанно распространяется (и разносит информацию) по собственным, неофициальным каналам: новость из газеты, став частушкой, может передаваться устно от исполнителя к исполнителю, а очередной демарш российского президента, превратившись в интернет-мем, множится в соцсетях.

Идея пропаганды с помощью фольклора — через создание агитационных текстов по образцу фольклорных — основана на том, чтобы эти каналы использовать сразу, минуя стадию стихийной фольклоризации, которой может и не наступить. В случае удачи агитационное послание способно распространяться добровольно и бесплатно, без институциональной поддержки — без регулярной публикации в массовых печатных изданиях, принудительного разучивания и исполнения. Этот путь подходит и тогда, когда нет доступа к официальным средствам: ограничен выход к легальной прессе или вовсе приходится работать в подполье. Можно вспомнить создание агитационных стилизаций декабристов и народников под народные песни [Рейсер 1988].

В последнее время на российском материале вышло несколько работ об использовании фольклорных моделей в пропагандистских целях в 1920–1950-х гг. [Богданов 2001; Панченко 2005; Миллер 2006; Богданов 2009; Архипова и Неклюдов 2013; Комелина 2013]. В них прослеживается история репрессий новой власти против нелояльного к ней фольклора, начавшихся в середине 1920-х гг. с песен и частушек, а также история государственной поддержки фольклора лояльного, включая его трансляцию через масс-медиа.

Однако новые исследования обошли стороной период становления советской власти — Гражданскую войну в России 1917–1922 гг. Об использовании фольклора для пропаганды в этот период есть работы XX в., но написаны они на материале, ограниченном идеологически и, как правило, территориально [Саянский 1925; Элиасов 1957]. Приятное исключение — эмигрантская статья Е. Недзельского о бытовании частушки в разных воюющих лагерях [Недзельский 1997].

Между тем, Гражданская война — идеальный полигон для фольклорной пропаганды. Территориальная гетерогенность, отчасти совпадающая с культурной, выступала дополнительным фактором ее потенциального успеха. Всеобщих медиа не было. Воюющие лагеря ориентировались на более-менее локальные группы и могли использовать локальные фольклорные традиции, понятные адресатам. К этому добавим дефицит бумаги, ограниченность доступа к типографиям (например, для партизанских формирований) и неграмотность части населения. В таких условиях использование фольклорных моделей было не просто одним из возможных, но иногда единственным эффективным способом агитации. Статус фольклорного текста — по крайней мере, текста поэтического, для многих носителей был высоким. Прибайкальский красный партизан и подпольщик К.Л. Покацкий, который в годы Гражданской войны распространял песни в целях агитации, так прокомментировал мотивы своих действий фольклористу Л.Е. Элиасову:

*Если человек принял песню, то и принял то, о чем в ней поется. А это большое дело, можно сказать, решающее. Когда человек говорит, то ему могут верить и не верить. А вот когда о том в песне поется, то уж испокон веков так повелось, тому верить надо. Против самого себя народ петь не будет [Элиасов 1982: 9].*

В данной статье будут рассмотрены примеры использования воюющими сторонами различных жанров русского фольклора в качестве моделей для агитационных текстов, как успешные, так и неудачные, а также факторы, которые влияли на эффективность такого способа агитации.

### «Проснулся крестьянин»: сказки

Пропагандистские сказки были популярны в первые годы победившей советской власти, а с середины 1930-х гг. эстафету перенял героический эпос — былины. К. Богданов назвал эту переориентацию *поворотом от футурологических утопий к исторической ретроспекции* [Богданов 2009: 108].

Однако в годы Гражданской войны ни тот ни другой жанры не были продуктивны на ниве пропаганды. Дошедшие до нас примеры сказок, созданных на тему войны, немногочисленны, и многие из них созданы, скорее всего, спустя годы после описываемых событий [Чапай 1938; Жив Чапаев 1938].

Публикации сказок на тему Гражданской войны в печати собственно военных лет единичны. Как правило, в заголовке указано слово «сказка», имитируется сказочная стилистика, однако морфология традиционной сказки не соблюдается, может не быть ни повествовательного сюжета, ни финала — его читателю предлагается создать самому в реальной жизни, поднявшись на вооруженную борьбу.

В анонимной «Сказочке» из газеты «За Россию», которую издавало в Архангельске бюро печати генерала Миллера — ставленника Колчака, проводится параллель между бешеным быком и коммунистом, и завершается она призывом пристрелить последнего:

*<...>Проснулся крестьянин от тяжелого многолетнего сна...  
Вышел на крылечко, глядит — солнышко подлинного Народо-  
правства взошло... Колос Свободы, равенства и Братства на-  
ливается...*

*Вдруг видит крестьянин, откуда ни возьмись, взбесившийся  
большевик-коммунист, из соседнего Германского стада, по  
Российскому полю мчится, весь посев свободы топчет... На  
широкую дорогу уже выскочил... Пыль клубится, глаза кро-  
вью налиты, пеной брызжет, порет, топчет, расстрелива-  
ет, душит, грабит, голодом морит, разрушает, пытается...*

*Что делает крестьянин?*

*Он идет в сени, берет винтовку, что на гвозде висит, и*

*стремится навстречу большевику-комиссару, спасти свою семью, свой дом, свою жизнь, свою Родину и свою Свободу.*

—  
*Слышишь, вольный северный крестьянин, эту сказку?*

*Видишь свирепого быка-большевика?*

*Бери же винтовку! Целься верней!*

*Меткий выстрел, — и большевик уже не будет страшен тебе, и снова заживешь ты спокойно! [Сказочка 1919].*

Подобные тексты при желании нетрудно пересказать близко к тексту без потери смысла, однако свидетельств об устном бытовании таких «сказок» не удалось встретить ни в мемуарах участников войны, ни в материалах фольклорных экспедиций.

Фольклорность здесь сведена к попытке стилизации речи («солнышко», «глядит»), однако абсурдность таких стилизаций ради успеха агитации была отмечена еще участниками «хождения в народ». П.А. Кропоткин писал о своих товарищах:

*Они пытались подделаться под народный говор, вводили много так называемых «народных оборотов», но этим делали свою речь более непонятной.*

*Ничего подобного не требуется, когда говоришь или же пишешь для народа. Великорусский крестьянин отлично понимает интеллигентного человека, если только последний не начинает свою речь иностранными словами [Кропоткин 1990: 105].*

При этом чтение и рассказывание сказок вообще, как традиционных, так и на литературной основе, было популярным видом времяпровождения на фронте, и ряды сказочников пополнились людьми, которые в мирное время сказками не увлекались либо связывали их с детской аудиторией. Сказки шли в ход в ситуациях, когда надо было чем-то разнообразить рутину: на долгих привалах, во время хозяйственных работ, в окопах между боями. Дальневосточный партизан И.Л. Комаров вспоминал, что рассказывал их, «даже когда лежали в цепи». Вернувшись с войны, он почти перестал рассказывать сказки взрослым, а своим детям рассказывал. В его фронтовом репертуаре были и традиционные волшебные сказки, которые он знал из устной традиции, и тексты, прочитанные в книгах: исторические анекдоты о шуте Балакиреве, повествования о Стеньке Разине, Пугачеве

и Илье Муромце. Тексты с историческими персонажами, в отличие от волшебных сказок, он называл повестями и былями и не исключал их истинности, но функционально все эти тексты были для него тождественны [ЦВРК. Д. 2058(б): 106–170; Русские народные сказки Сибири 1987: 151–163].

Сказки ассоциировались прежде всего с условным или давним прошлым, не связанным с настоящим; эта ориентация на завершенное прошлое, как и жесткая формальная структура ограничивали их применение для пропаганды. Сказки не были продуктивным жанром стихийного newslore, и стилизации под них тоже оказались малоэффективными.

### «Возьму в руки лютию»: былины

Дошедшие до нас стилизации под былины, созданные в годы Гражданской войны, тоже немногочисленны. Как правило, разрыв между описываемым событием и публикацией составляет несколько месяцев, а то и лет. Самые популярные герои новых былин — погибшие командиры. В газетах Оренбургского казачьего войска обращалась «Казачья былина», подписанная псевдонимом «Гамаюн» и посвященная казни в апреле 1918 г. группы казаков во главе с атаманом Троицкого отдела Оренбургского казачьего войска Алексеем Половниковым:

*<...> Там, где Уй-река татарская  
(Мысль-река, сказать по нашему)  
Вьется тусклою дорожкой  
По степям песчаным Троицка,  
На пустынном пыльном выезде  
За стеною деревянною,  
Как вертеп Коцея жадного,  
Одиноко возвышается  
Меж дорог тюрьма постылая,  
Там за крепкими затворами  
По сырým печальным камерам,  
Словно тати подорожные,  
Братья-витази рассажены,  
Алексей там свет-Половников  
Атаман бесстрашно бившийся,  
Впереди родных станичников  
На Карпатах и Галиции,  
Как Микула Селянинович  
За сохой, он мирно хаживал*



*В годы мирныя безратныя,  
Добывая хлеб работою,  
Как Господь людям приказывал. <...>  
[Гамаюн 1918].*

В виде листовки распространялся летом 1920 г. на Дону, если верить В.М. Сидельникову, «Сказ о донских богатырях, трудовых казаках Подтелкове и Кривошлыкове», сочиненный казаком Михаилом Мошкаревым, председателем исполкома станицы Вешенской. Речь идет о событиях 1918 г., когда советская власть на Дону была свергнута, а ее лидеры казнены. Произведение озаглавлено «сказ», в самом тексте оно именуется «былиной»:

*Возьму в руки лютню, по серебристым струнам проведу я  
рукою своею  
И под звуки ее воскрешу перед вами былину.  
Богатырский уклад духа лучших людей, за свободу свою пав-  
ших с честью в борьбе,  
Для потомков вовеки прославлю.  
Сзывался круг войсковой большой в январе году восемнадца-  
том,  
Как на том на кругу власть в руках была все изменников,  
Генералов, попов, офицеров донских, жадных до крови,  
Слетались они, злые коршуны, разделит меж собою добро  
поровну,  
Раскастать, расклевать всю советскую мощь богатыр-  
скую. <...>  
[Красноармейский фольклор 1938: 78].*

Известны «былины» и с аллегорическими персонажами. Житель уездного тылового колчаковского города Усть-Каменогорска сочинил «Былину о Чехе-Славяниновиче», аллегорически изображающую мятеж чехословацкого корпуса и в целом роль чешских частей в белом движении. В тексте говорится о том, как на Великую Русь пришел «лютый змей стоглав» (возможно, отсылка не только к былинному змею, но и к фразеологизму «гидра революции») и опозорил ее, пока местный Богатырь-защитник спал. Младший брат Чех-Славянинович разбудил его богатыря, они сражаются со змеем и ждут помощи от Антанты. Как и в «Сказочке» про крестьянина, финал у былины открыт — битва продолжается.

*<...>И сейчас еще  
Богатырь храбрец  
Со своими войсками  
Отважными  
Бьется день и ночь.  
За Россию-Мать  
И за честь ея  
С Змеем Чудищем.  
Слава вечная,  
Богатырь, тебе!  
Слава вечная  
Руси Матушке,  
Слава, Чех тебе  
Славянинович!  
Слава войску всему  
Православному.  
[Партиот 1919].*

Приведенные выше тексты сложены не профессиональными сказителями, стихотворная форма и морфология жанра в них не выдержаны. На их фоне произведение «Василий Чапаев», опубликованное в 1921 г. в газете чапаевской дивизии и включенное в сборник «Красноармейский фольклор», выглядит исключением и предвосхищает советские «новины». В ней, как в традиционной старине, излагается рождение героя, чудесное имянаречение, отправка в путь на борьбу с «лютыми врагами». В опубликованном тексте нет лишь гибели Чапаева, он заканчивается остановкой на богатырской заставе:

*Крепко спит Чапай Василь Иванович  
Во своем шатре да атаманином,  
Спит и вся дружинишка хоробрая.  
И не слышат, и не чуют добры молодцы,  
Что настала ночь последняя.  
[Красноармейский фольклор 1938: 102–105].*

Не важно, профессионалом или любителем создавались былины на Гражданской войне; в обоих случаях, как правило, основывались они на памятном для данной воюющей стороны событии относительно недавнего прошлого и героизировали его. Их темы были ограничены, как и возможности устной передачи или переписывания: для переписывания текст слишком длинный, для устного распространения нужны навыки сказителя. Для целей newslore и

этот жанр был слишком консервативен. Однако примечательно, что его пытались использовать разные стороны и до эпохи «советского фольклора».

### «Юденич Антанте письмо писал»: раешник

Раешники гораздо более распространены, чем сказки и былины, в печати времен войны и в антологиях фронтового фольклора [Красноармейский фольклор 1938: 52–53, 90–92; Фронтовая поэзия 1938: 60–62].

Сама форма раешника удобна для передачи новостей: текст состоит из рифмованного описания актуальных для публики событий, мест и личностей. Если раешник печатался в газетах, была возможность разместить иллюстрации, приближая публикацию к настоящему раешному представлению, в котором стихотворными репликами комментируются выполненные в лубочном стиле картинки.

Раешник в увлекательной форме вводил публику в курс окружающих событий, идеологически оценивая их. «Раешник по всем фронтам», опубликованный в 1919 г. в газете политотдела армии Туркестанского фронта «Набат революции», рассказывает бойцам о других театрах военных действий, иронизируя над неприятелем:

*Вот вам фронт Петербург, город красный — фронт у Питера самый опасный.*

*Был,*

*Да сплыл.*

*А Юденич Антанте письмо писал, что двадцатого он Петербург, мол, взял, — пропустил слово «чуть», захотел спекульнуть.*

*Ан не вышло,*

*Во все двери ему дышло!*

*Южный фронт — фронт второй: там стоим мы горой, помогла наша красная конница — знать недаром звонил я со звонницы, бита Мамонта-зверя там вольница, а с прохвоста со Шкуро нашим Буденным спущена шкура.*

*Третий фронт — тут афронт, передам лучше были о деникинском тыле [Красноармейский фольклор 1938: 53].*

В упоминавшейся архангельской газете «За Россию» тексты раешным стихом появлялись регулярно, их писал местный поэт Александр Андреев, владевший этим стихом, под псевдонимом дядя Мирич. Второго октября 1919 г. вышел его «Красный манифест» — па-

родия на манифесты большевиков. В нем Ленин обещает населению ужасы своего режима:

*Милостию Антихриста*

*Мы, Ленин Первый, ставленник немецкий, король советский, самозванец Московский, тиран Кремлевский, палач Петроградский, ненавистник братский, обманщик «райский», Атаман Китайский, каратель крестьян, рабочих и прочих, и прочих, и прочих.*

*Объявляем всем Нашим сквернопогоданным, Коммуне в рабство отданным, всем в полон захваченным, на издевку назначенным, нашим хунгузам поганым и всем драным и не драным, что свора третьяго собственного интернационала за благо признала продолжать похабить: население грабить, крестьян душиить и в тюрьмах сушить, рабочих карать, вешать и стрелять, помилованных на фронт отправлять, протестов не терпеть и, вообще, патронов не жалеть <...> [Андреев 1919а].*

Девятого октября (через один номер) газета вводит рубрику «Беседы дяди Митрича», где раешным стихом излагаются реальные или вымышленные события. В первом выпуске рассказчик приводит новости из советской прессы, затем якобы просит красных пленных подтвердить истинность, пленные эти новости опровергают. Весь текст написан раешным стихом — это newslog в чистом виде: фольклорная реакция на новость из прессы.

*<...> Товарищ Семен Яркин, житель дер. Мало-Лазовское, Тамбовской губ., пошел добровольно на фронт. Общество постановило построить ему избу с сенцами («Беднота» № 366).*

*Подивился я заметке в этой газетке, смутился товарища явкой и пошел к пленным за справкой. Застал «красных» дома: ругают наркома, чинят штаны, рубашки и играют в шашки.*

*— Здорово, ребята, — сказал я, войдя в хату, — как поживаете, и что про тамбовского Яркина знаете?*

*Вышел тут детина на самую середину, головой мотнул, вздохнул и отчеканил он: — Я Яркин Семен.*

*— Какими судьбами?*

*— Да где же мне быть, как не с вами! За новую избу кляню я судьбу. Выгнали меня наркомы из собственного дома, развели меня с женой, взяли под конвой да и на фронт прово-*

*дили. А жену по-китайски нарядили, и теперь у нея обуза,  
— должно того,  
— Принесет хунхуза! <...> [Андреев 1919b].*

Со следующего номера материал в рубрике состоит из картинок с рифмованными комментариями и заголовками, например: «Фантазии насчет Азии. Сказ о совдепском короле и “Огненной Земле”. Новостей три фуры с картинками с натуры». Но здесь и в последующих публикациях, в отличие от вышеупомянутого красноармейского раешника, Андреев описывает не реальные, а воображаемые события, и новостная функция утрачивается. В первом выпуске с картинками Троцкий жалуется, что грабить больше нечего и пора бежать в Туркестан, а заросший шерстью Ленин в набедренной повязке танцует кек-вок — так он готовится стать королем дикарей Огненной Земли.

Рубрика эта действует до конца 1919 г., она есть в большинстве номеров. В выпусках начала 1920 г., когда дела на фронте под Архангельском стали плохи, она исчезает. Двадцатого февраля красные взяли город, и больше газета не выходила.

О действительности агитационного раешника в годы войны свидетельствует не только его активное применение разными воюющими лагерями, но и, косвенно, использование в протестном фольклоре после войны, а также репрессии в адрес этих текстов [Архипова, Неклюдов 2013: 47].

### **«Когда мы заняли деревню»: городские легенды**

Другой популярный жанр агитации времен Гражданской войны — истории из фронтовой жизни. Это тексты, фольклорные аналоги которых — бывальщины, городские легенды и сказы. Для эффекта правдоподобия повествование ведется от лица участников событий или с их слов, часто текст публикуется как письмо с фронта, и тогда подписывается военным псевдонимом (*Старый вояка, Мурманский солдат, Стрелок 6-го Северного полка, Стрелок Камской группы, Фронтовик* и т.д.) или выдается за запись устного рассказа фронтовика. Среди этих текстов наверняка есть реальные письма с фронта, однако про некоторые можно с большой долей уверенности сказать, что это подделки — агитационные эссе на тему событий на фронте, якобы написанные очевидцами. В псевдописьмах с фронта говорится о том, что на войне не страшно, о мощи своей армии и разброде в лагере про-

тивника, о поддержке со стороны местного населения, о захвате подразделений врага врасплох.

В колчаковской армейской газете «За родину», выходявшей в Семипалатинске, от первого лица опубликована якобы фронтовая история «Пулемет» — о том, как красноармейцы испугались игры на гармонии и бросили деревню:

*Это было весной — 2 марта 1919 года, когда мы получили приказание от командира 3 батальона Н-ского полка занять деревню Б. Оханского уезда, Пермской губ. Место было открытое, деревня стояла на ровном лугу и на берегу речки, вправо и влево от нас были красные. Их было много, а нас 10 человек с начальником подпоручиком С.*

*Наш начальник приказал нам: «Ну ребята, с богом вперед! Снимите шапки и перекреститесь, а потом на лыжи».*

*И, действительно, мы с благословением Божьим скоро заняли деревню и выполнили данную нам задачу: укрепились в деревне, но одно было плохо, что нет пулеметов и патронов, хотя и есть винтовки, а все-таки мы духом не пали, сидим в окопах, реденько постреливаем и вдруг слышим команду «Патроны зря не расстреливать», а потом начальник зовет одного солдата, своего ординара:*

*— «Шадрин, а ну-ка, выходи сюда к пулемету!»*

*Смотрим — Шадрин идет с гармонию, садится на плетень около елки и начинает играть малороссийского казачка.*

*Стрельба со стороны красных прекращается, а наши партизаны начали кричать: «Эй вы, красноперы, идите николаевку пить и белый хлеб кушать».*

*Спустя несколько минут, мы наблюдаем, что красные начали отступать из деревни.*

*Наш начальник и с ним еще трое на лыжах пошли в деревню В. и с криком «ура» бросились на отступающих красных и взяли 7000 патронов 12 человек и 11 винтовок, несмотря на то, что наших было только 4 чел.*

*Когда мы заняли деревню, то крестьяне сообщили нам, что красные, когда начали отступать, то ругали нас «белая банда! сколько их не стреляй, а они все прут, да еще с гармонией; им ни черта не делается».*

*С того время начали мы свою гармонию звать пулеметом, а Шадрин пулеметчиком.*

*Пермяк*

*[Пермяк 1919].*

**«Подогнали к напеву»: песни, частушки и куплеты**

Самые продуктивные в пропаганде на Гражданской войне жанры, имеющие фольклорные аналоги, — песни, куплеты, частушки, но выполненные по литературным канонам — силлабо-тонические, с рифмой. Множество песен, напечатанных или централизованно разученных, прочно закрепились в устной традиции и даже стали гимнами частей. Среди таких произведений — «Ижевская баллада» Николая Арнольда, первоначально обращавшаяся как газетное стихотворение:

*Порваны цепи кровавого гнета.  
Гневно врага уничтожил народ  
И закипела лихая работа,  
Ожил рабочий и ожил завод.*

<...>

*Кто не слышал, как с врагами сражался  
Ижевский полк под кровавой Уфой,  
Как с гармонистом в атаку бросался  
Ижевец — русский рабочий простой.*

<...>

[Арнольд 1919].

В газете «За родину» под текстом песни помещена заметка сотрудника редакции о том, как он стал случайным свидетелем рассказа ижевского рабочего-фронтовика. Приводится и сам рассказ, в котором упомянут боевой эпизод из песни:

*Дрались мы на Уфимском фронте. Что называется кровавый бой выдержали под Уфой.*

*Вот в стихотворении, которое вы у меня сейчас читали, говорится о гармонисте.*

*Дело было так.*

*В горячем бою осталось наших ижевцев возле одного пулемета только трое, а красные цепью наступают. Видят пулеметчики смерть не за горами, и пока один из них последнюю ленту расстреливал по красным, гармонист Саша Абакумов плясовую жарит на гармошке под трескотню своего и чужого огня, а «Моряк», прозвище было такое третьему, русскую отплясывает с разными фигурами и вывертами.*

*Последнюю ленту прорвал наш пулемет цепь красных, а тут наши ударили на врага с боку и живыми вышли разудалые, беззаботные головы.*

<...>

Здесь трудно сказать, что первично: байка о гармонисте повлияла на автора стихотворения, которое стало песней и подверглось фольклоризации, либо стихотворение вызвало к жизни байку. В любом случае, эта газетная публикация способствовала популярности и стихотворения, и истории.

Приведу еще два примера успешной агитации песнями, оба из опыта красных партизан: в одном песни с печатных листовок начинают передаваться устно, в другом к сознательно выбранному стихотворению подбирается напев, и песня разучивается с подчиненными.

Агитатор Т. Конов вел пропаганду среди войск атамана Семенова и просил Верхнеудинскую организацию большевиков присылать ему отпечатанные стихи и песни, так как они пользуются спросом:

*Надо еще газет и листовок, только пусть как можно больше помещают маленьких статей. Хорошо бы было, если бы еще прислали мне стишки и песни про Семенова, Колчака, а также призывные, пусть, мол, бросают семеновские солдаты оружие и идут к своим братьям помогать восстанавливать Советы.*

*Те маленькие стихи и песни, что мне удалось захватить с собой, разошлись среди солдат быстро. Некоторые солдаты заучили их и пересказывают друг другу [Элиасов 1957: 23].*

Ротный комиссар И.Х. Денисов, воевавший на Дальнем Востоке, целенаправленно собирал пригодные для пения тексты, приспособивал к ним распространенные мелодии и разучивал с солдатами:

*Песня входила в мои обязанности. Я собирал их и старался привить в своей роте. Одной из первых 29 июня 1920 года я в селе Екатерино-Никольском записал песню «Старый Гомон». Мы подогнали ее к напеву «Знаю, ворон, твой обычай», и песня вошла в строй [Тропами таежными 1969: 144].*

«Старый Гомон» — баллада партизанского поэта Григория Отрепьева о казни японцами и белогвардейцами жены и дочери командира красного отряда; командир мстит японцам, но при этом погибает и сам, и его сын:

*То не туча скрыла солнце,  
То не зверь в тайге рычал, —*



*Старый Гомон хмурил брови,  
Старый Гомон закричал:*

*— Не печалься, дочь родная,  
Не кручинься и жена,  
Я клянусь, что будет скоро  
Ваша кровь отомщена!*

*Раньше бился за свободу,  
За народную нужду,  
А теперь на месть японцам  
Я вас, братцы, поведу.*

*Пусть погибнут эполеты,  
Звезды царской красоты,  
Пусть дрожат от нашей мести  
Прибережные кусты.*

*<...>*

*Рано утром все семейство  
Мир в могилу положил —  
А на память партизанам  
Песню эту я сложил.*

[Тропами таежными 1969: 76–78].

Стихотворение это соответствовало и поэтическому размеру, и стилистике популярных армейских песен и вообще популярных в мужском репертуаре песен-баллад на литературной основе (четырёхстопный хорей с чередованием женских и мужских окончаний: «Знаю, ворон, твой обычай», «Из-за острова на стрежень», «Было дело под Полтавой», «Из тайги, тайги дремучей» и т.д.); в совокупности с актуальной темой это стихотворение просто не имело шансов не стать песней.

Партизаны Дальнего Востока пели стихотворение на разные мотивы, записано несколько бытовавших устно вариантов, но, как правило, повествование в них до смерти главного героя не доходит — он остается живым [ЦВРК. Д. 2058(б). Л. 75; ЦВРК. Д. 2058(д). Л. 1-2].

Причин эффективности песен, куплетов и частушек для агитации несколько. Умение петь — универсальное, для него не нужны навыки сказителя или способность экспромтом говорить в рифму; пение возможно как в одиночку, так и в коллективе, когда каждый — одновременно равноправный исполни-

тель и слушатель. Ситуаций, в которых на войне могут бытовать поющие жанры, гораздо больше, чем, скажем, ситуаций исполнения былин. Кроме того, пение уже было укоренено в русской армейской традиции; например, была развита практика сочинения и исполнения песен о событиях фронтовой жизни непосредственно после этих событий, а также практика пения на марше. В обеих ситуациях это могло делаться как по приказу, так и стихийно — по привычке или спонтанному желанию. О желании петь на войне, независимо от принуждения и наличия в прошлом армейского опыта, говорит тот факт, что добровольческие формирования Гражданской войны, в которых система принуждения была менее жесткой, чем в призывных армиях, пели не меньше — а наоборот, больше, чем армии, основанные на призыве.

### **Заключение**

На Гражданской войне наиболее востребованными для пропаганды и наиболее эффективными жанрами были силлабо-тонические рифмованные песни, куплеты и частушки — литературно модифицированные жанры традиционного устного фольклора. Примечательно, что именно эти жанры стали первой жертвой советской цензуры, что тоже свидетельствует в пользу их эффективности.

Песни, частушки и куплеты в принципе были в русской культуре первых десятилетий XX в. жанрами, без которых нельзя было представить повседневность. Они сохраняли свою функциональность, более того, частушка находилась на пике своего расцвета, в отличие от сказок или былин, область применения которых в течение предшествующих десятилетий неуклонно сокращалась. Былины и ранее не были распространены повсеместно.

Пропагандистская песня, напечатанная или централизованно разученная, имела больше шансов, по сравнению с иными жанрами фольклора и литературы, закрепиться в устной традиции. Таким образом пропаганда получала дополнительный, устный канал трансмиссии, который в некоторых случаях был единственно возможным.

### **Сокращения**

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

### Источники

- ЦВРК. Д. 2058(б). Материалы фольклорной экспедиции по Амурской области. Собиратель Р.П. Арефьева. 1968.
- ЦВРК. Д. 2058(д). Материалы фольклорной экспедиции по Амурской области. Записи Л.Г. Свиридовой, И. Мурзина. 1967.
- Андреев 1919b — *Андреев А.* Беседы Дяди Митрича // За Россию. Архангельск. 1919b. № 21. 9 окт. (26 сент.). С. 3.
- Андреев 1919с — *Андреев А.* Беседы дяди Митрича // За Россию. Архангельск. 1919с. № 23. 16 (3) окт. С. 2–3.
- Андреев 1919а — *Андреев А.* Красный манифест // За Россию. Архангельск. 1919а. № 19. 2 окт. (19 сент.). С. 2.
- Арнольд 1919 — *Арнольд Н.* Ижевская баллада // За родину. Семипалатинск. 1919. № 60. 12 авг. С. 1.
- Гамаюн 1918 — *Гамаюн.* Казачья былина // Оренбургский казачий вестник. Троицк. 1918. № 42. 23 (10) авг. С. 2.
- Жив Чапаев 1938 — Жив Чапаев! // Красноармейский фольклор / Под ред. Ю.М. Соколова; Сост. В.М. Сидельников. М., 1938. С. 108–110.
- Патриот 1919 — *Патриот.* Былина о Чехе-Славяниниче // Устькаменогорская жизнь. Усть-Каменогорск. 1919. № 81. 18 апр. С. 2.
- Пермяк 1919 — *Пермяк.* Пулемет (Воспоминание прошлого) // За родину. Семипалатинск. 1919. № 99. 12 авг. С. 1–2.
- Сказочка 1919 — Сказочка // За Россию. Архангельск. 1919. № 14. 15 (2) сент. С. 2.
- Чапай 1938 — Чапай // Красноармейский фольклор / Под ред. Ю.М. Соколова; Сост. В.М. Сидельников. М., 1938. С. 106–108.

### Литература

- Азадовский 1925 — *Азадовский М.* Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества. Изд. 2-е, испр. и доп. Иркутск, 1925.
- Азадовский 1934 — *Азадовский М.* Предисловие // Советский фольклор. Статьи и материалы. Вып. I / Под ред. М. Азадовского. Л., 1934. С. 3–8.
- Архипова, Неклюдов 2013 — *Архипова А., Неклюдов С.* Фольклор и власть в «закрытом» обществе // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М., 2013. С. 39–85.
- Богданов 2001 — *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
- Богданов 2009 — *Богданов К.А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
- Комелина 2013 — *Комелина Н.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М., 2013. С. 306–401.

- Красноармейский фольклор 1938 — Красноармейский фольклор / Под ред. Ю.М. Соколова; Сост. В.М. Сидельников. М., 1938.
- Кропоткин 1990 — *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990.
- Миллер 2006 — *Миллер Ф.* Сталинский фольклор. СПб., 2006.
- Недзельский 2007 — *Недзельский Е.Л.* Народная поэзия в годы революции // Живая старина. 2007. № 4. С. 2–6.
- Некрылова 2014 — *Некрылова А.Ф.* Лубки и военные плакаты 1914–1915 гг. // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян: По материалам Пушкинского Дома. СПб., 2014. С. 554–567.
- Панченко 2005 — *Панченко А.А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 334–366.
- Рейсер 1988 — *Рейсер С.А.* В борьбе за свободное слово // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста., вступ. заметки и примеч. С.А. Рейсера. Л., 1988. С. 5–70.
- Русские народные сказки Сибири 1987 — Русские народные сказки Сибири / Сост. Р.П. Матвеева. Улан-Удэ, 1987.
- Саянский 1925 — *Саянский А.* Партизанские поэты Минусинского фронта (Очерк поэзии газеты «Соха и Молот») // Сибирские огни. 1925. № 2. С. 207–222.
- Соколов и Соколов 1926 — *Соколов Б., Соколов Ю.* Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. М., 1926.
- Тропами таяжными 1969 — Тропами таяжными. Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке / Вступит ст., подг. текста и примеч. С.И. Красноштанова. Хабаровск, 1969.
- Элиасов 1957 — *Элиасов Л.* Поэзия времен гражданской войны в борьбе за Советы // Стихи, песни, частушки времен гражданской войны в Забайкалье / Ред., вступ. статья и примеч. Л.Е. Элиасова. Чита, 1957. С. 3–52.
- Элиасов 1982 — *Элиасов Л.Е.* Народная поэзия Сибири периода гражданской войны // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / Сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск, 1982. С. 6–29.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Архипова Александра Сергеевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии МВШСЭН; руководитель исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора»; старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС; доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва; alexandra.archipova@gmail.com

*Байдуж Марина Иннокентьевна*, научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии МВШСЭН, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва; amentie@gmail.com

*Волкова Мария Дмитриевна*, аспирант Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ; научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии МВШСЭН, научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС; Москва; greasedfungi@gmail.com

*Галямина Юлия Евгеньевна*, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель Школы лингвистики НИУ ВШЭ, Москва; jugjug@yandex.ru

*Козлова Ирина Владимировна*, кандидат филологических наук, зав. кабинетом традиционной культуры кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; matira@dobre.ru

*Мороз Андрей Борисович*, доктор филологических наук, профессор РГГУ, председатель комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов, Москва; abmoro@yandex.ru

*Петров Никита Викторович*, кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС; доцент Центра типологии и семиотики РГГУ; старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии МВШСЭН; nik.vik.petrov@gmail.com

*Писаревская Дина Борисовна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; [dinabpr@gmail.com](mailto:dinabpr@gmail.com)

*Радченко Дарья Александровна*, кандидат культурологии, директор Центра исследований фольклора и антропологии МВШСЭН; старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва; [darya\\_radchenko@mail.ru](mailto:darya_radchenko@mail.ru)

*Рыговский Данила Сергеевич*, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге, приглашенный исследователь Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва; [danielrygovsky@mail.ru](mailto:danielrygovsky@mail.ru)

*Савина Наталья Алексеевна*, магистрант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; [savnat8@gmail.com](mailto:savnat8@gmail.com)

*Фахретдинов Рустам Ибрагимович*, магистр филологии, аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; [rfakhretdinov@eu.spb.ru](mailto:rfakhretdinov@eu.spb.ru)

## ABSTRACTS

*Alexandra Arkhipova, Darya Radchenko. Save or Respond: about Newslore and Folklorization of Reality*

In the introductory paper of the collective monograph newslore and medialore is investigated through comparing it to the folklore forms which are described in literature as “traditional”. Despite having a number of important common features, they differ in certain aspects, including pragmatics, mechanisms of involvement into communication, text generating and, to some extent, level of variation. This allows us to differentiate folklore I (“traditional folklore” and folklore II (media-dependent folklore) into separate, though interacting, groups of texts. The authors of the paper describe how folklore II has been researched over the last quarter of the 20<sup>th</sup> — beginning of the 21<sup>st</sup> centuries and build the chapters of the monograph into this theoretical context.

*Marina Baiduzh. Constructing narratives about the folklore and medialore characters: Tyumen case*

The article presents a comparative analysis of mythological models utilized in constructing ghost stories in the Tyumen landscape. The study is based on material collected in 2009–2016: anthropological interviews and observation of urban practices; a complex of regional media and literary texts. Thus, contemporary urban demonological beliefs are realized by means of three models: *folklore*, *literature* and *medialore*. The *folklore model* is marked not by individualized characters with actional characteristics, but by lack of sequence of the plot and “biography” of this character. On the contrary, the *literary* (or *author’s*) *model* has characters with names assigned to them, its «biographies» and expanded and consistent narrative storylines. *The medialore model* mixes this two strategies together. Furthermore, *medialore* and *author’s* (*literary*) characters are locally specific, unlike *folklore characters*. It depends on main pragmatic of the narrative, namely, on where such ghosts are used. Its purpose is to create local mythology and ghosts, that would become a local brand and increase the attractiveness of Tyumen.

*Fakhretdinov Rustam. Folklore in the Military: the Case of the Russian Civil War*

Folksongs, tales, urban legends and folk raree-shows were effective models of propaganda texts in the Russian Civil War 1917–1922. This article focuses on the reasons and epy factors of this way to promote. It is based on 1920s–1960s field data, memoirs and wartime newspapers. The post-soviet Russian research elucidates attempts of the USSR to control and fake folklore, but during the Russian Civil War no government had such

propaganda monopoly. It was no common official communicative channel, and the role of folklore channels increased. It's known that the tale was a widespread model for the soviet propaganda texts in the 1920s, the bylina (traditional epic song) succeeded after the tale in the 1930s, during at the Russian Civil War the urban legend, the raree-show, the song and the ditty were the most effective models. It's noteworthy that songs, ditties and texts of the raree-shows became the first victims of the state censure after the Russian Civil War.

*Galiamina Julia. The Story of a Olenevod ('deer-keeper'): Linguistic Analysis of Political Nickname*

The article tells about an anthroponym Olenevod ('deer-keeper'), which the Moscow mayor is known under. The analysis of this element of Moscow citizens' political discourse in 2010ies shows us the structure of symbolic system which formed it. Using this nickname people actualize elements of picture of the world connected with their social, economic and political views and with their folklore background.

*Kozlova Irina. Local Military Conflicts at the End of the 1930s in Soviet Mass Media and Works by Epic Performers*

The article is about military conflicts between the USSR and other countries in 1938–1940, their coverage in mass media, mass culture and works by epic performers. There were 22 novinas (only 15 of them were published) about these conflicts: 15 — about the conflict near Hasan Lake between the USSR and Japan in 1938, 6 — about annexation of new territories (West Ukraine, West Belarus, Latvia, Lithuania, Estonia and Northern Bukovina) by the USSR, 6 — about Winter War of Finland and the USSR. Analyzing novinas about local military conflicts at the end of the 1930s we can find correlation between selection of new plots for novinas and media coverage of local military conflicts.

*Moroz Andrey. Russian Post in the mirror of medialore*

The article discusses jokes, collages, anecdotes, associated with Russian Post. Folklore commonly focuses on its extremely slow and unreliable service. In early 2015, the Internet society began to discuss a new form of Russian Post employees, which resembled Network users of the uniform of the Waffen SS and the movie «17 moments of spring». Therefore, to the motif 'Russian Post is the slowest and the most unreliable' a connotation of 'Post of Russia is the SS/Gestapo' was added.

*Petrov Nikita. Terrible Revenge of Bigfoot from Kargopol*

The article deals with folklore stories about bigfoot from the Arkhangelsk region in the light of medialore and newslore theories. According to these stories, at about 6 kilometers (3.7 mi) from Kargopol, two hairy creatures made



their way towards a military barracks. A young soldier on guard duty noticed the creatures, the sasquatch, carrying their young, enter behind the soldier. Although making non-threatening gestures and sounds, the creature was attacked by a soldier. Frightened, the creature ran away into the forest. As many as a dozen soldiers are reported to have witnessed these strange creatures on this night. More than 10 texts appeared in local newsletters and Kargopol phonebook, and the author was the local journalist Stukov. After that some texts about the terrible bigfoot appeared in folklore, they include demonic motifs and motifs about saints from local folklore tradition. After Stukov's death (as it is said, the bigfoot killed him) these texts disappeared from local folklore.

### *Pisarevskaia Dina.* **Israel as Mythological Pattern in Russian-Ukrainian Discourse: Social Media Analysis**

Israel as a mythological pattern is represented as a combination of definite issues which were used by Facebook users in 2014–2015 to argue about political events and depict their own positions in Russian-Ukrainian discourse. The participants of discussions compared Ukrainian conflict with Israeli-Palestinian conflict so that positive sentiment with connected with Israel and with the side of the conflict in Ukraine they sympathized with. Unchecked and deceptive news stories connected with Israel were forced in social media, applied to Ukraine 2014: for example, news stories about volunteers enrollment among Israelis to participate in war conflict in Ukraine. Israel pattern was used among Facebook users to associate themselves with 'legitimized' positive side of the conflict. Such stories often can mirror each other: rumours and unchecked facts from one side lead to the same rumours and unchecked facts from the other side.

### *Rygovsky Daniel.* **“Polite People”: War of Mems and Emergent Discourses**

This research is dedicated to history of. Since the protest 2011–2012, discourse of Russian opposition has been formed, while conservative discourse did not appear as a developed semantic system, despite governmental support of the latter. The primary purpose of this study was to show how one of the most popular memes in Russia, “polite people”, influenced the forming of conservative discourse in Russian society. The internet-meme “polite people” appeared as an euphemism for unidentified militaries that invaded Crimean airports and other significant objects in the end of February, 2014. Among internet-texts, plentiful versions of pictures, parodying or expressing reaction to commentaries of Vladimir Putin on the Crimean Crisis, represent this meme. The most remarkable variants are “polite tourists”, “the Olympic Games”, “wait for for the polite people”, “occupation”, “no Russian soldiers”, “local self-defence groups” and others. Sometimes it is obvious that images of “little green men” (a synonym

of “polite people”) are used to express negative or positive attitude to invasion of Crimea by unidentified soldiers, as well as to highlight one or another type of discourse. Nevertheless, in most cases it is very difficult to declare to what kind of discourse, conservative or opposition, the variant belongs. So it seems that, these pictures have a pragmatics close to close to that of anecdotes, but do not indicate attitude to Crimean Crisis 2014. Popularity of the meme was so high that the image of “polite people” was used to decorate clothes, crockery, etc. In addition, people became using it in protest activity as a sign that helps distinguish between supporters and adversaries of Russian politics.

*Savina Natalia.* **“H<sub>2</sub>S Attracts an Unhealthy Interest”: Industrial Accident Perceptions in the Internet Space**

The article deals with the reaction of the Internet community to an industrial accident — hydrogen sulphide emissions that took place in Moscow in 2014. The analysis of web texts related to this disaster shows which subject schemes matching newswire specifics become the most popular and which topics and figures are the most convenient for embedding a separate event into Internet folklore. The gathered texts help identify several kinds of contexts most frequently found in the Internet environment: Moscow related, power related, skatological, eschatological.

*Volkova Maria.* **Glorification of Soviet consumer items in Media and Lore**

This paper highlights the mythology around the invention of the Soviet faceted glass constructed partly by the post-soviet press. It dwells on two aspects: who is believed to be the inventor of faceted glasses, and which folklore explanations of the form of faceted glass exist. Such explanations, in turn, can be divided into two types: “functional”, which attribute specific physical qualities to the glass and “conspirative” (or symbolic), suggesting that the form of glass has a secret meaning, which has been put in it by its inventor.